

Лелеко В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. СПб., 2002. 321 с.

Переписка [В. Я. Брюсова] с К. Д. Бальмонтом (1904–1918) / Вступ. ст. и подг. текстов А. А. Нинова; коммент. А. А. Нинова, Р. Л. Щербакова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991 (Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1).

Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм. Киев, 1992. 93 с.

Штырлина Е. Функционально-семантические особенности лексемы «звезда» в поэтическом языке К. Д. Бальмонта // Филология и культура, Казань, 2018. №3. С. 116–120.

Kovalskaia A. S. Mythmaking origin in correspondence of K. Balmont and V. Bryusov.

Abstract. The purpose of the article is to identify the features of the author's myth-making, which is inherent in the aesthetics of symbolism, based on correspondence of K. Balmont and V. Bryusov. Image of Bryusov, which was constructed by Balmont in their letters, become a myth: Balmont creates motive of sacred «brotherhood», which was a common theme in symbolists poets correspondence. Balmont creates myth about the union of two poets, which is sacred. Balmont emphasizes the distance between the world of ordinary people and «elected» poets. Motive of youth is extremely important for Balmont – it symbolizes the perfect state of the soul and it becomes constant component of myth.

Keywords: correspondence, myth, symbolism, plot, motive.

В. В. Воложанина

(научн. руководитель А. М. Меньщикова)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Тема сна в письмах М. Цветаевой

Аннотация: статья посвящена теме сна в цветаевских письмах, которые представлены в ее записных книжках. В работе предпринята попытка дать ответ на вопрос о значении и ценности сновидения для М. Цветаевой, сделан обзор сюжетов и тем, раскрывающихся в сновидениях, сделан вывод о месте феномена сна в письмах поэта.

Ключевые слова: М. Цветаева, тема сна, эпистолярии, записные книжки, эпистолярный контекст.

«Сон – это я на полной свободе (неизбежности), тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. Моя погода, мое освещение, мой час суток, мое время года, моя широта и долгота. Только в нем я – я. Остальное – случайность...» [Цветаева:URL], – признается Цветаева в своем письме к Саломее Андрониковой. Для Цветаевой существование во снах как в иной действительности является естественным и органичным. Анна Красильщик в работе «По воздуху снов» отмечает: «Сны, по Цветаевой, можно «снить», дарить, посвящать, во сне можно назначать свидания и встречи» [Красильщик:URL]. Цветаева – сновидец, сновтворец. «Я сню свои сны. <...> Мне сон не снится, я его сню» [Красильщик: URL], – пишет поэт. Так, сон является одной из доминант цветаевского мира и, одновременно, сама Цветаева является доминантой и хозяином своих снов. Она и ее сновидения – единый, гармоничный организм: одно нельзя отделить от другого. Так, в письме Александру Бахраху 10-е сентября 1923 года она пишет: «Не могу жить. Все не как у людей. Могу жить только во сне, в простом сне, который снится: вот падаю с сорокового сан-францисского этажа, вот рассвет и меня преследуют, вот чужой – и – сразу – целую, вот сейчас убьют – и лечу. Я не сказки рассказываю, мне снятся чудные и страшные сны, с любовью, со смертью, это моя настоящая жизнь, без случайностей, вся роковая, где все сбывается» [Цветаева1995: 607].

У Марины Цветаевой особенное восприятие сна: для нее он является именно параллельной, неземной жизнью, которая стоит на одной ступени с реальностью. «"Сон" – прообраз иного мира, в котором живут и встречаются «души». Поэтому общение «во сне» было для Цветаевой полнее и осязаемее, чем общение наяву» [Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева 1900: 32], – говорится в книге «Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева ПИСЬМА 1926 ГОДА». «Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне» [Цветаева 1995: 225], – пишет она Пастернаку 19 ноября 1922 года. «Я хочу с Вами только этого, только такого, никак не называющегося не: сна наяву, сна – во сне, войти вместе с Вами в сон – и там жить» [Цветаева: URL], – говорится в ее письме к А. Штейгеру от 8 августа 1936 года. Елена Айзенштейн в своей работе «К постановке проблемы «Сон в жизни и творчестве М. Цветаевой» пишет: «Сон выражал переживания души, которые воспринимались откровением, посланием из более тонкого мира, а потому М. Цветаева старалась точно зафиксировать видение» [Айзенштейн 2003: 8].

Мы обратились к рассмотрению того, как раскрывается тема сна в письмах из записных книжек Марины Цветаевой. Стоит отметить, что часть записей передают не только отношения с миром сновидений самого поэта, но и ее дочери, Ариадны. Важно заметить идентичность восприятий, именно поэтому мы будем рассматривать письма и Цветаевой, и Али.

Сны или выражения и мысли, связанные с ними, вводятся в текст по-разному. Сон может быть частью письма-посвящения, где слова, образы, думы и чувства устремляются к одному только адресату. «Я Вас люблю и м<ожет> б<ыть> Вы тоже полюбите меня. Я думаю, что Вы крылатый. Вы будете мне сниться. Ночью Вы обнимете меня Крылами. Вы придете в беззвездную ночь, бессветную Ночь. У Вас белые волосы, протянутые руки. Вы живете в доме, к<отор>ый стоит на облаках...» [Цветаева 2000: 284], – пишет Аля Юрию Завадскому. Также, она признается в одном из писем своему отцу, Сергею Эфрону: «Вы мне очень часто снились. Один раз мне снилось, что я Вам нарвала незабудок; др<угой> раз Вы мне подарили книгу, потом Ваш голос в передней ...» [Цветаева 2000: 352].

Обычно в письмах-посвящениях сон вводится для того, чтобы подчеркнуть свою любовь и признательность к адресату. Аля представляет сновидение, в котором ей явится Юрий Завадский, в сказочном, даже божественном образе. А в письме к отцу сон свидетельствует о частых Алиных думах о нем. Если говорить о Цветаевой, то вспоминается ее послание к Вячеславу Иванову. В этом случае сон является интерпретатором, своеобразной калькой ее боли и терзаний, переживаемых из-за невозможности последней встречи с важным и дорогим ей человеком. Снится поэту следующее: Цветаева ждет Иванова на дороге, так как он ей там назначил встречу для прощания. Через некоторое время она относит засыпающую Алю в дом. После Цветаева в страхе думает о том, что пропустила Иванова. Но вдруг она его видит, бежит за ним и неожиданно оказывается на скале, по которой ползет. ИВАНОВ протягивает ей руку, и Цветаева ее не берет, так как думает, что утянет его за собой. Конец сна: она падает в пустоту. Под записью сновидения Цветаева пишет: «(И эторухаю еще длится! – Проснулась и не прошло! Потому что Вы уезжаете!... И сон – от этого. Только сон верней, п<отому> ч<то> слезы-то текли – из-за Вас! – сторожила-то я – Вас! – Алю-то бросила в страшном доме – из-за Вас!) ...» [Цветаева 2001: 188–189]. Примечательно, что в этом фрагменте видно, как сон, теряя свою форму, остается тем острым чувством опустошенности и, одновременно, боли и продолжает существовать в действительности, в душе Цветаевой.

Сновидение может вводиться в текст, как и антитеза, реальности. «Не принимайте моего отношения за бессердечие. Это – просто – возможность жить. Я одеревенела, стараюсь одеревенеть. Но – самое ужасное – сны. Когда я вижу ее во сне – кудр<явую> голову и обхмызганное длинное платье – о, тогда, Сереженька, – нет утешенья, кроме смерти» [Цветаева 2001: 259], – пишет Цветаева к Сергею Эфрону о том, как она переживает смерть Ирины в реальности, абстрагируясь, и как после снов, где видит ее живой. Также, тема «сна» в тексте проявляется через устойчивые выражения. Например, цитата из письма Али к

Цветаевой: «Это сон» [Цветаева 2001: 29]. Слово «сон» употребляется в переносном значении, которое в Большом толковом словаре трактуется так: «Кто-л. не мог даже предположить, допустить, представить чего-л.» [Большой толковый словарь русского языка 1998: URL]. «Подумайте, что это Вам приснилось» [Цветаева 2001: 259], – пишет Цветаева Сергею Эфрону. Глагол «присниться» употребляется в переносном значении, которое соответствует одному из определений «сна» в Большом толковом словаре: «О чем-л. иллюзорном, призрачном, неправдоподобном» [Большой толковый словарь русского языка 1998: URL]. Само слово «сон» может быть частью метафоры. «...о, каждый мой час и сон летел бы к Вам!» [Цветаева 2001: 236] – Пишет Цветаева к Ланну. Она в иносказательной форме говорит о том, что была бы готова посвятить всю себя возлюбленному.

Как мы уже говорили, явление сна неотъемлемо от жизни и личности Цветаевой, поэтому и в письмах оно упоминается в описания себя и своей поэзии. «Под сеткой стихотворной формы – живая душа (то есть): мой смех, мой крик, мой вздох, то, что во сне снилось...» [Цветаева 2001: 191], – пишет Цветаева к Вячеславу Иванову. Сон может вводиться в текст через конструкцию «я помню», то есть в качестве воспоминания: «Я помню, как представляла себе сон Ирины: она стоит одна, а с неба падают корки, такие большие и толстые, что она не может их разгрызть. Так как ей досадно, она злится...» [Цветаева 2001: 25], – делится Аля своей фантазией в письме к Цветаевой. Придуманное сновидение передает Алину субъективную характеристику своей младшей сестры. Но самый простой способ введения сна в текст – это представление его в отдельной записи. «Множество солдат. Встревоженные, радостные лица: только что получилась почта. У всех в руках письма. Аля летит, несет груды писем – одно разорванное – плачет. – «Аля, он умер?» – «Нет, нет, читайте!» Сидим на скалах над морем. Читаю письмо. Письмо от Аси: – «Даже теперь, стоя у распахнутых ворот, ведущих во все миры, он еще...» (Письмо от Аси – о С<ереже> – Плачу.» [Цветаева 2001: 103] – сновидение Цветаевой, которое воплощает ее реальный страх гибели мужа.

Рассмотрев то, как сон может вводиться в текст, можно сказать, что его воплощения в нем разнообразны, и он гармонично вписывается в эпистолярный контекст. Рассмотрим, какие сюжеты и смыслы могут быть сформулированы через обращение к теме сна. Чтобы больше углубиться в сон в цветаевском тексте, мы составили классификацию, в которой выделили, какие роли приобретает сон в эпистолярных записных книжках Цветаевой.

Роли сна:

1. Сон как признание в любви:

«Я Вас люблю и м<ожет> б<ыть> Вы тоже полюбите меня. Я думаю, что Вы крылатый. Вы будете мне снится. Ночью Вы обнимете меня Крылами. Вы придете в беззвездную ночь, бессветную Ночь. У Вас белые волосы, протянутые руки. Вы живете в доме, к<отор>ый стоит на облаках...» (из письма Али к Юрию Завадскому от 1918 г.)

2. Сон как свидетельство частых дум о человеке:

«Вы мне очень часто снились. Один раз мне снилось, что я Вам нарвала незабудок; др<угой> раз Вы мне подарили книгу, потом Ваш голос в передней...» (из письма Али к Сергею Эфрону от 1919 г.)

3. Сон как характеристика человека:

«Я помню, как представляла себе сон Ирины: она стоит одна, а с неба падают корки, такие большие и толстые, что она не может их разгрызть. Так как ей досадно, она злится» (из письма Али к Цветаевой (дата не вписана, записная книжка 1919–1920 гг.))

4. Сон как образ:

Мне снился сон сегодня: Вы сидели на берегу большой реки, к<отор>ая называлась Весна. Она была блестяща, как стекло – и кое-где виднелись лодки с радужными парусами. Кругом росла зелень, розы, ягоды. Вы были молодой девушкой. Вдруг к Вам слетел лебедь, ласково подхватил на себя и понес...» (из письма Али к Цветаевой (дата не вписана, записная книжка 1919–1920 гг.))

5. Сон как синоним невозможного:

«Марина! Ведь я умираю, ведь я пишу, живу! Ведь это бред, ведь это сон, ведь это Бог! ...» (из письма Али к Цветаевой (дата не вписана, записная книжка 1919–1920 гг.))

6. Сон как воплощение реальных страхов:

«Множество солдат. Встревоженные, радостные лица: только что получилась почта. У всех в руках письма. Аля летит, несет груды писем – одно разорванное – плачет. – «Аля, он умер?»... Письмо от Аси: – «Даже теперь, стоя у распахнутых ворот, ведущих во все миры, он еще...» (Письмо от Аси – о С<ереже> – Плачу» (письмо во сне Цветаевой, из записной книжки 1920–1921 гг.)

7. Сон как интерпретатор реального жизненного события и переживаний, связанных с ним: Письмо Цветаевой к Вячеславу Иванову от 1920 г., в котором она рассказывает о сне про самого адресата (пересказ этого сна находится выше в статье).

8. Сон как элемент поэзии:

«Под сеткой стихотворной формы – живая душа: мой смех, мой крик, мой вздох, то, что во сне снилось...» (письмо Цветаевой к Вячеславу Иванову от 1920 г.)

9. Сон как знак всепоглощенности человеком:

«Если бы я знала, что Вы – что я Вам необходима – о, каждый мой час и сон летел бы к Вам!» (письмо Цветаевой к Ланну Е. Л. (дата не вписана, записная книжка 1920–1921 гг.))

10. Сон как катализатор чувств в действительности:

«Не принимайте моего отношения за бессердечие. Это – просто – возможность жить. Я одеревенела, стараюсь одеревенеть. Но – самое ужасное – сны. Когда я вижу ее во сне – кудр<явую> голову и обхмызганное длинное платье – о, тогда, Сереженька, – нет утешенья, кроме смерти» (письмо Цветаевой к Сергею Эфрону от 1931 г.)

11. Сон как синоним небылицы:

«Не горюйте об Ирине, Вы ее совсем не знали, подумайте, что это Вам приснилось...» (письмо Цветаевой к Сергею Эфрону от 1931 г.)

Порядок перечисленных ролей определяется последовательностью снов, мыслей и выражений, связанных с ними, в письмах Цветаевой. Каждая роль относится к определенной записи, что подтверждает многогранность явления сна. Некоторые пункты представляют сны, которые предопределены одним и тем же чувством, например, чувством любви, но каждый раз оно выражается по-разному, поэтому и функции сна приобретают отличные друг от друга смысловые оттенки, из-за чего мы их разделяем.

Таким образом, сновидения образуют отдельный многогранный мир для Цветаевой и Ариадны, но при этом они могут иметь связи с действительностью и оказывать влияние на нее. Сон у поэта приобретает значение феномена. Он уверенно пронизывает само существо: его душевную, чувственную, потустороннюю и поэтическую стороны. Тем самым становится неотделимым от личности Цветаевой, становится господствующей, всепоглощающей и уникальной частью ее творческого «Я».

Литература

Айзенштейн Е. О. Сны Марины Цветаевой. – СПб. : Акад. проект, 2003 (Новосибирск: Сиб. изд-во «Наука»). 463 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002364308> (дата обращения – 11.04.2022).

Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения – 18.04.2022).

Красильщик А. По воздуху снов // Русский журнал. – 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/krug/kniga/20031118_ak.html (дата обращения – 18.04.2022).

Письма. Наследие Марины Цветаевой – 2004–2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsvetayeva.com/letters> (дата обращения – 18.04.2022).

Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева; [Подгот. текстов, сост., предисл., с. 17-36, пер., коммент. К. М. Азадовского и др.]. М. : Книга, 1990. 255 с.

Цветаева М. Неизданное. Записные книжки в 2х томах. Том первый: 1913–1919. М. : Эллис Лак. 2000. 563 с.

Цветаева М. Неизданное. Записные книжки в 2х томах. Том второй: 1919–1939. М. : Эллис Лак. 2001. 546 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Письма / Вступ. ст. А. Саакянц. Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1995. 800 с.

Volozhanina V. V. The topic of sleeping in Marina Tsvetaeva`s letters

Abstract. Marina Tsvetaeva's epistolary has thematic and genre diversity, we devote our work to the topic of sleeping in Tsvetaeva's letters, which are presented in her notebooks. Not only Tsvetaeva addresses the phenomenon of sleeping, but also her daughter Ariadna. In the report we answer the questions: What is a dream for Tsvetaeva and her daughter? What plots and themes can be revealed in the dreams? What place does the phenomenon of dreams have in the letters?

Keywords: sleeping, dreams, letters, notebooks, context of notebooks, roles, phenomenon.

А. Ю. Кириенко

(научн. руководитель Ю. В. Матвеева)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

**Г. И. Газданов о своей деятельности на «Радио Свобода»
(на материале писем к Г. А. Хомякову (Андрееву), Р. Б. Гулю, Ф. А. Степуну,
Ю. П. Иваску, Н. А. Струве, Л. Д. Ржевскому)**

Аннотация. Статья представляет собой анализ эпистолярного наследия Газданова на предмет его высказываний о «Радио Свобода» и собственной деятельности на радиостанции. В частности, в 1953 году писатель начал работать в качестве корреспондента и вскоре стал главным редактором Русской службы «Свободы». Однако журналистская работа значительно отдалила Г. Газданова от литературного творчества, о чем свидетельствуют его письма, в которых он с большой долей скептицизма относится к деятельности Радио.

Ключевые слова: Г. И. Газданов, Радио Свобода, эпистолярный.

Имя писателя Гайто Газданова (в эфире – Георгий Иванович Черкасов) стало одним из ключевых для исследователей не только русского зарубежья, но и деятельности «Радио Свобода» в 1950–1970-е гг. Работу в качестве радиожурналиста Газданов начал в 1953 г., занимаясь информационными репортажами, а с 1957 г. он получил должность редактора новостного отдела [Колчина 2016: 44–45].

Но наиболее важным и продуктивным периодом с точки зрения сохранившихся аудиоматериалов можно считать то время, когда Газданов стал главным редактором Русской службы «Свободы» в 1967 г., что позволило ему самостоятельно выбирать темы программ, информационные поводы, материалы и приглашенных гостей [Колчина 2016: 44–45]. В этот срок под его авторством вышло немало информационно-аналитических и культурно-просветительских передач – таких, как «Беседа за круглым столом», «В мире книг», «Дневник писателя», «О книгах и авторах», «Перед занавесом» и др., посвященных русской литературе и творчеству, отдельным представителям русской эмиграции и т.п.

Однако культурно-просветительская деятельность писателя на «Радио Свобода» имела и обратную сторону, которая обнаруживается в эпистолярном наследии писателя, опубликованном Л. Диенешем, Т. Н. Красавченко, Ф. Х. Хадоновой [Газданов 2009: 3–266],